

ШИ ЭРНШОУ

ШИ ЭРНШОУ

**КОВАРНАЯ
БЕЗДНА**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84(7Coe)-44

Э81

Серия «Разрушенный мир»

Shea Ernshaw
THE WICKED DEEP

Перевод с английского *С. Селифановой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Foundry Literary и Media и Andrew Nurnberg.

Эрншоу, Ши.

Э81 Коварная бездна : [роман] / Ши Эрншоу; [перевод с английского С. Селифановой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Разрушенный мир).

ISBN 978-5-17-120609-3

Двести лет назад трех сестер Свон обвинили в колдовстве и сбросили в воды бухты Спарроу. С тех пор они возвращаются каждое лето, чтобы отомстить жителям города. Они крадут тела местных девушек и в их облике увлекают в море молодых людей. И каждый год в город стекаются туристы, замороженные историей проклятия сестер.

Семнадцатилетняя Пенни Талбот живет со своей матерью на острове недалеко от города и заботится о старом маяке. Как и многие местные жители, она смирилась с судьбой города. Она знает, что и в этом году на берегу найдут три тела...

Но только Пенни видит то, чего не видят другие...

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84(7Coe)-44

© Shea Ernshaw, 2018

 Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-120609-3

*Посвящаю родителям,
которые поощряли мою необузданную
фантазию.*

*Если на нашей планете есть магия,
ищите ее в воде.*

— Лорен Айзли

Море

Сестры прибыли в Спарроу в 1822 году на борту принадлежавшего пушной компании судна «Леди Астор», которое вскорости затонуло прямо на выходе из бухты.

Они стали одними из первых поселенцев города, недавно основанного на тихоокеанском побережье штата Орегон. Девушки спорхнули с трапа подобно тонконогим птицам и ступили на новую для себя землю. Вьющиеся золотисто-каштановые волосы, нежная фарфоровая кожа — они были красивы. Слишком красивы, как потом говорили горожане. Маргарита, Аврора и Хейзел часто влюблялись, но выбирали неправильных мужчин — таких, чьи сердца уже принадлежали другим. Но сестры были кокетливы и обольстительны, и мужчины не могли устоять перед ними.

Однако жители города решили, что все не так просто: они объявили сестер ведьмами, склоняющими мужчин к прелюбодеянию при помощи колдовства.

В конце июня, когда луна была лишь тонким осколком в затянутом тучами небе, к лодыжкам сестер привязали камни и сбросили их в океан сразу за мысом. И сестры опустились на дно — так же, как корабль, который привез их в Спарроу.

На зеркале в моей комнате прикреплена черно-белая фотография двадцатых годов прошлого века: женщина из бродячего цирка плавает в большом чане с водой. Светлые волосы развеваются, ноги спрятаны под искусственным русалочьим хвостом. Ткань — серебристый металлик — выглядит как чешуя. Женщина хрупка и ангелоподобна. Ее губы плотно сжаты — наверное, перехватило дыхание в ледяной воде. Рядом стоят несколько мужчин. Уставились, как на настоящую русалку, поверив в маскарад.

Я думаю об этом фото каждую весну, когда в городе вновь начинается шумиха, — все только и говорят о трех сестрах, которых утопили на выходе из бухты, сразу за островом Люмьер, где живем мы с мамой. Сестры представляются мне похожими на эту русалку из цирка — вот они колышутся под толщей воды, прекрасно сохранившиеся, совсем как живые. Боролись ли они за жизнь? Попытались ли удержаться на поверхности или сдались, позволив тяжелым камням утянуть себя на холодное дно Тихого океана?

Над поверхностью воды, между Люмьером и городком Спарроу, стелется промозглый утренний туман. Море спокойно. Я иду к причалу и начинаю отвязывать лодку — двухместную плоскодонку с навесным мотором. Для плавания в шторм или бурю она непригодна,

зато для поездок в город и обратно — то что надо. Отис и Ольга, рыжие полосатые кошки, которые два года назад, еще котятами, загадочным образом появились на острове, провожают меня до самой воды и мяукают вслед, будто оплакивая мое отплытие. Каждое утро в одно и то же время я пересекаю бухту, чтобы успеть к началу первого урока — мировая экономика, предмет, который мне никогда не пригодится, — и каждое утро кошки провожают меня до причала.

Пульсирующий луч маяка скользит над островом и на миг выхватывает из тумана одинокий силуэт на обрывистом западном берегу. Это моя мама. Коричневый свитер обтягивает хрупкую фигурку, руки скрещены, взгляд направлен в безбрежный океан. И так каждый день: она ждет того, кто никогда не вернется. Моего отца.

Ольга трется о мои джинсы, выгнув спину и задрвав хвост, просится на руки, но у меня нет времени. Я натягиваю капюшон ярко-голубого дождевика, забираюсь в лодку и дергаю за трос, пока мотор не заводится. Сквозь туман я не вижу ни берега, ни Спарроу, но я знаю, что город существует.

Из воды поднимаются высокие пилообразные мачты, похожие на зазубренные мечи, — следы бывших кораблекрушений. Если не знать пути, можно налететь на один из полудюжины кораблей-призраков, до сих пор бороздящих эти воды. Подо мной лежат груды искореженного металла — ржавые цепи и обломки корпусов, в пробитых иллюминаторах устроили дома рыбы, снасти давно растворились в соленой воде. Это кладбище кораблей. Но я, так же как и местные рыбаки, которые с легкостью отыскивают дорогу в тумане и выходят в открытое море, могу пересечь бухту с закрытыми гла-

зами. Здесь глубоко: когда-то наш порт предназначался для больших грузовых судов, но теперь здесь можно увидеть лишь небольшие рыбацкие лодки да теплоходы с туристами. Моряки говорят, эти воды прокляты, — и они правы.

Моторка утыкается в пирс. Причал номер одиннадцать, место четыре. Здесь стоит лодка, пока я на занятиях в школе. Большинство моих одноклассников к семнадцати годам получили водительские права и ездят на подержанных машинах, купленных по объявлению или взятых у старших родственников, но мне машина ни к чему. У меня есть лодка.

Я забрасываю через плечо тяжелую холщовую сумку с учебниками и направляюсь вверх по скользкой улице к зданию средней школы Спарроу. Наш город построен на стыке двух хребтов и зажат между морем и горами, поэтому оползни здесь обычное дело. Может, когда-нибудь он полностью соскользнет в море и исчезнет с лица земли, погребенный под двенадцатью метрами воды и ила. В Спарроу нет ни ресторанов с фастфудом, ни сетевых магазинов, ни кинотеатров, ни даже «Старбакса». Городок скрыт от внешнего мира, застрял в ловушке времени. Население примерно две тысячи человек, но каждый год в начале лета количество людей намного возрастает — первого июня в Спарроу устремляются потоки туристов.

Роуз стоит на лужайке перед школой, уткнувшись в телефон, рыжую голову видно издалека. Подруга ненавидит свои кудри — их не укротить: ни в хвост завязать, ни заколоть, — а я вот завидую, мои прямые как солома волосы никогда не выглядят так хорошо, как бы я ни пыталась.

— Обещай, что сегодня от меня не сбежишь. — Роуз делает брови домиком и бросает телефон в сумку,

некогда белую, а теперь изрисованную цветными маркерами, — граффити из переплетающихся темно-синих, изумрудно-зеленых и ярко-розовых линий не оставили на ней свободного места. Роуз хочет стать художницей. Она уже сейчас настоящая художница. А после окончания школы собирается уехать в Сиэтл, поступать в Институт искусств. Каждую неделю подруга напоминает мне, что не хочет ехать одна, что мы должны учиться вместе и вместе снимать жилье. Но уже три года я мастерски ухажу от ответа.

Не то чтобы мне не хочется сбежать из этого постылого дождливого города, просто я, по сути, в ловушке. На мне лежит ответственность за маму. Не могу оставить ее одну на острове. Я — все, что у нее есть; единственное, что связывает ее с реальностью. К тому же — пусть это глупо и даже наивно — я тоже надеюсь, что однажды отец вернется. Произойдет чудо, и он появится на причале, будто никуда и не пропадал. Поэтому я должна быть дома.

В следующем году мы окончим школу, и реальность такова, что всю оставшуюся жизнь я могу провести в Спарроу. Застрясть здесь навеки.

Что ж, придется мне высматривать будущее в чайных листьях на дне белых фарфоровых чашек, как это делала мама до исчезновения отца. Надо сказать, клиентов у нее было много. Горожане пересекали бухту — порой безлунными ночами и тайно, порой среди бела дня, если вопрос не терпел отлагательства, — усаживались на кухне и, постукивая пальцами по деревянной столешнице, ожидали, пока мама предскажет их судьбу. А потом оставляли на столе деньги — иногда аккуратные стопки, иногда скомканные купюры — и уходили. Мама складывала деньги в банку из-под муки, которую хранила на полке у плиты. Может быть, в этом

и мое предназначение: садиться за стол, проводить пальцами по ободку чашки и разгадывать послания, скрытые в хаотичном расположении чаинок на доньшке. Мои волосы тоже будут пахнуть ромашкой или лавандой...

Я много раз видела свое собственное будущее: молодой человек, принесенный ветром откуда-то из-за моря, выброшенный на остров. У него горячее сердце, а кожа соткана из воздуха и песка. Мама учила меня расшифровывать листья с пяти лет, и я всегда видела одно и то же. «Твоя судьба на дне чашки», — шептала она, укладывая меня спать. И стоит мне подумать о том, чтобы уехать из Спарроу, как в голове возникает эта картина. Остров меня не отпускает. Это моя судьба.

— Не сбегу? Я и не обещала пойти с тобой, — отвечаю я подруге.

— Нет уж, на этот раз я не позволю тебе пропустить вечеринку. — Роуз наматывает ремень сумки на большой палец. — А то в прошлом году пришлось всю ночь до рассвета провести в обществе Ханны Поттс.

— Ладно, я подумаю. — Для празднования, как всегда, два повода: открытие сезона и окончание учебного года. С одной стороны — долгожданная свобода от занятий, учителей, контрольных, с другой — надвигающийся ужас перед возвращением сестер Свон. Обычно все напиваются в хлам и потом ничего не помнят.

— Нечего думать. Если слишком долго размышлять, только отговорки и находятся.

Она права. Я вообще-то и не хочу идти, меня не интересуют вечеринки на пляже, и мне всегда неуютно в толпе. Ведь я — та самая девушка, которая живет на острове Люмьер, чья мать сошла с ума, а отец пропал без вести, и она никогда не задерживается в городе после уроков. Целыми вечерами сидит дома, изучает рас-

писание приливов и отливов или смотрит на лодки. И все это вместо того, чтобы пить пиво в случайной компании.

— Даже никакого наряда специально не надо, если тебе так удобнее, — добавляет Роуз.

Это никогда и не было обязательным, хотя большинство горожан держат в шкафу костюмы в стиле начала девятнадцатого века, чтобы надеть их раз в год — на открытие сезона. Но, конечно, не я.

Звенит звонок, и поток старшекласников устремляется ко входу. В холле пахнет мастикой для полов и гнилым деревом. Стекла в оконных рамах пригнаны неплотно и дребезжат под напором ветра. Лампы дневного света мигают и потрескивают. Ни одна дверь не закрывается, потому что фундамент перекосялся. Если бы я знала другой город и другую школу, эта обстановка могла бы показаться гнетущей, но я привыкла даже к тому, что во время зимних штормов протекает крыша и с потолка капает вода. Я чувствую себя здесь как дома.

Первый урок у нас в разных кабинетах, но по коридору мы идем вместе и останавливаемся напротив женского туалета.

— Не знаю, что сказать маме, — говорю я, соскабливая с ногтя большого пальца левой руки остатки лака — сногсшибательный оттенок под названием «Черничная атака». Роуз сделала мне маникюр две недели назад, когда мы в очередной раз устроили у нее дома вечер фильмов ужасов. Подруга решила, что раз уж поступаешь в Институт искусств в Сиэтле, непременно надо пересмотреть всего Альфреда Хичкока. Как будто знакомство со старыми черно-белыми ужастиками каким-то образом причислит ее к разряду серьезных художников.

— Просто скажи, что идешь на вечеринку. Разве у тебя не может быть нормальной жизни? Или сбеги по-тихому. Может, она и не заметит.

Я забываю про ноготь и прикусываю губу. На самом деле я боюсь оставлять маму без присмотра, даже на одну ночь. А вдруг она проснется, а меня нет? Вдруг подумает, что я исчезла, так же как отец? Что, если она бросится на поиски? Или сделает еще какую-нибудь глупость?

— В любом случае, с острова ей не выбраться. Разве что пешком через океан. — Роуз внезапно осекается, и мы смотрим друг другу в глаза: пешком через океан — как раз то, чего я боюсь. Подруга быстро поясняет: — В смысле, не случится ничего страшного, если оставить ее всего на одну ночь. А сразу после рассвета вернешься.

Я молча смотрю в кабинет через открытую дверь: почти все на местах, урок по мировой экономике вот-вот начнется. Мистер Грэттон стоит у стола, постукивая ручкой по стопке бумаги.

— Пожалуйста, — умоляет Роуз, — сегодня самая грандиозная ночь в году, и я не хочу опять идти одна, как последняя дура. — В слове «последняя» звук «с» больше похож на «ш». В детстве Роуз сильно шепелявила, и в начальной школе ее вечно дразнили. Когда мы перешли в среднюю школу, Роуз целый год три раза в неделю ездила в Ньюпорт к логопеду и внезапно преобразилась. Моя застенчивая косноязычная подруга словно родилась заново, стала уверенной в себе и бесстрашной. Внешне она была прежней, но теперь излучала сияние, как некое прекрасное существо. А вот я ничуть не изменилась. Меня не оставляет чувство, что придет время, и мы даже не вспомним друг о друге. Роуз упорхнет, как пестрая экзотическая птица, случай-

но залетевшая в наше захолустье, а я останусь здесь — серая, невзрачная и бескрылая.

— Ладно, — сдаюсь я. Еще одна пропущенная вечеринка, и Роуз действительно перестанет считать меня своим другом.

Она широко улыбается.

— Ну наконец-то! А я уж думала, мне придется похитить тебя и утащить насильно. Увидимся после уроков. — Она поправляет сумку и уходит.

Из маленького динамика под потолком доносится звонок. Сегодня короткий день — всего два урока. А завтра первое июня. В большинстве средних школ летние каникулы не начинаются так рано, однако в Спарроу уже несколько недель идет обратный отсчет. На главной площади и в витринах магазинов давно висят афиши праздничных мероприятий, посвященных сестрам Свон.

Завтра начнется туристический сезон. Нас ждет наплыв приезжих и череда жутких и сверхъестественных событий — напасть, которой Спарроу подвергается с 1823 года, после того как сестер Свон утопили в бухте. Сегодняшняя вечеринка — это старт сезона. Он принесет с собой не только деньги многочисленных туристов, но еще и повышенный интерес к местному фольклору, очередные спекуляции на исторических событиях и новые сомнения в их правдивости. А еще, как и в любой другой год без исключения, эти три недели принесут городу смерть.